

Дана Спаркл
Венок из вереска

https://litres.ru/74775934
SelfPub; 2026

Аннотация

Элара Вейн была лучшей в своём ремесле: Магистр Убийц, безжалостная и невозмутимая, она никогда не проваливала контрактов. Но последний из них оказался ловушкой — вместо гонорара её ждало пламя инквизиции. На пороге смерти она активировала запретный артефакт и перенеслась в тело чужой девушки — Изольды ван дер Берг, наследницы нищего опального рода в мире, где жизнь проверяет Эфирная Матрица, а таланты меряются Резонансом

Дана Спаркл
Венок из вереска

Венок из вереска

Синопсис

В своем мире Элара Вейн была Магистром Убийц — холодной, рациональной и мёртвой для эмоций. Она приняла контракт на устранение кронпринца враждебной северной империи, но наниматель подставил её под удар имперской инквизиции. Умирая в пламени, Элара активировала запретный артефакт «Сердце Эфира» и перенесла свое сознание в тело юной леди из опального дворянского рода в мире, где правит Эфирная Матрица.

Теперь её зовут Изольда ван дер Берг. Её семья лишена земель и живёт в нищете на окраине Золотой Марки.

Чтобы вернуть себе безопасность и найти того, кто предал её в прошлой жизни, ей нужно власть. Абсолютная. Путь к ней лежит через Магистериум — главную академию империи, выпускающую дипломатов, магов и королевских консортов.

Проблема одна: единственный, кто может дать ей рекомендательное письмо в Магистериум — это кронпринц Рейнард Готхольд. Тот самый, чье сердце она пронзила стилетом в прошлой жизни.

Рейнард узнает её ауру. Он помнит свою смерть и ледяное

спокойствие убийцы. Вместо дыбы и костра он предлагает сделку: она становится его тайным клинком в стенах академии, а он прикрывает её происхождение. Изольда соглашается, планируя использовать принца как трамплин.

Глава 1. Интерфейс в золе

Запах жжёной полыни въелся в лёгкие. В прошлой жизни Элара Вейн умерла от заклинания «Пекло Инквизитора» — оно выжигало ману, превращая кровь в кипящую ртуть. Сейчас же она просто не могла сделать вдох. Тяжелая, влажная ткань мешка душила её.

Она открыла глаза.

Вместо дымящихся руин гильдии над ней нависал потолок из почёрневших дубовых балок. Сквозь единственное окно-бойницу пробивался серый свет дождливого утра.

Агония исчезла. Осталась только звенящая пустота и чужое, истощенное тело, дрожащее от холода. Изольда пошевелила пальцами. Ногти были обломаны, а на подушечках тёмнели чернила, а не порох.

[Статус: Изольда ван дер Берг. Возраст: 16 лет. Социальный статус: Наследница дома ван дер Берг (опальный)], — вспыхнула полупрозрачная руническая вязь прямо перед её зрачками.

Изольда моргнула. Руны остались висеть в воздухе.

Матрица. Ходили слухи, что миры Старой Империи работают по законам Древних, превращая жизнь в жестокую симуляцию.

Изольда села одним рывком, скидывая с себя отсыревшее шерстяное одеяло. На ней была льняная рубашка, штопаная в трёх местах. В углу тесной комнатушки на коленях стояла девочка-служанка и тихо выла, закрыв лицо передником.

— Хватит скулить, — голос Изольды прозвучал ровно, без единой слезинки. — Вина. И открой ставни, здесь пахнет мёртвечиной.

Служанка замерла с открытым ртом. Изольда ван дер Берг была известна в этом доме как плаксивая, вечно больная истеричка, падающая в обморок при виде мыши. Она никогда не говорила таким тоном — сухим и острым, как осколок стекла.

Изольда встала. Босые ноги коснулись ледяных досок пола. Она подошла к окну. За мутным стеклом лежал Альтдорф — столица Золотой Марки, город шпилей, банков и вечных туманов. Там, в Императорском квартале, жил тот, кто был ее врагом в прошлой жизни.

Чтобы добраться до него, нужен был статус.

Скрип несмазанных петель прервал её расчёты.

В комнату вошёл человек. Черный бархат его дублета был расшит серебряной нитью в виде скрещённых мечей. Он не носил доспехов, но от него веяло запахом стали, кожи и озона — запахом грозы.

Рейнард Готхольд, Кронпринц Золотой Марки.

Тот, чье горло она перерезала три года назад по летоисчислению этого мира.

Изольда рефлекторно встала так, чтобы стол оказался между ними — плохая тактическая позиция, но тело Изольды ван дер Берг хотело упасть в обморок. Тело Элары Вейн искало глазами тяжёлые серебряные подсвечники.

Принц медленно обвел взглядом комнату, задержавшись на брошенном одеяле. Его губы изогнулись в улыбке, от которой у менее опытных людей стыла кровь.

— Я смотрю, «Тень» сменила шёлк на мешковину, — его голос был глубоким, с лёгким северным акцентом. — Интересный выбор аватара, Изольда. Спящий дар, родовое имя в долговых книгах. Ты всегда выбирала хардкорный режим.

Изольда присела в идеальном, отточенном годами поклоне, пряча лицо в тени.

— Ваше Высочество ошибается. Я Изольда ван дер Берг. Дочь обнищавшего барона. Я не знаю, о ком вы говорите.

Принц тихо хмыкнул. Звук был похож на скрежет точильного камня. Он сделал шаг вперед, входя в зону поражения.

— Три года назад, в охотничьем домике в Шварцвальде. Ты подошла со спины. Твой стилет был смазан ядом василиска. Ты смотрела мне в глаза, пока я захлебывался кровью. У тебя был шрам на правом боку.

Он протянул руку и, прежде чем Изольда успела отшатнуться, рывком задрал край её рубашки. На бледной коже действительно виднелся старый, побелевший шрам — след падения с лошади в детстве Изольды. Но принц смотрел не на него. Он смотрел на то, как едва заметно дрогнула жилка

на её шее.

— А ещё, — он наклонился к её уху, — ты всегда считаешь стражников у входа. За дверью двое. Под окном — один. Ты в мышёловке, моя дорогая убийца.

Изольда медленно выдохнула.

В прошлой жизни она бы уже метнула в него вилку для писем. Но на столе Изольды не было ничего тяжёлее гусиного пера.

— Если вы пришли меня казнить, —спокойно ответила девушка, выпрямляясь, — то выбрали крайне негигиеничный способ. Почему бы просто не передать меня Святой Инквизиции?

Принц Рейнард обошёл её, как волк обходит раненую лань и остановился сбоку.

— Потому что казнить тебя — значит признать, что три года назад лучший убийца континента прошёл мою личную охрану, и никто этого не заметил. Это полный крах. А вот если ты просто исчезнешь... или, ещё лучше, станешь моей верной собачкой... это можно выгодно продать Совету.

Он щёлкнул пальцами. Из-за спины выступил паж с бархатной подушкой, на которой лежал не указ о казни и матово-чёрный значок адепта Магистериума, выкованный из гномьей стали.

— Испытания через три дня, — сказал принц. — Твой дар не даст тебе пройти барьер, но у меня есть эликсир, который поднимет твой Резонанс до пятидесяти на один час. Хватит,

чтобы пройти теоретическую часть и испытание иллюзий.

Изольда наконец подняла на него взгляд.

— Какова цена вашей милости? — спросила она. — Моя кровь? Моя честь?

Принц наклонился и поднял со стола сломанное перо, которое обронила рыдающая служанка. Он задумчиво покрутил его в пальцах.

— Я потребую лояльности, Изольда. Абсолютной. Ты станешь моим клинком в стенах Магистериума. Твои навыки из... прошлой жизни, пригодятся мне. В Совете Пэров зреет заговор. Они наняли тебя однажды, чтобы убить меня и будут в ярости, когда увидят, что оружие теперь направлено на них самих.

Принц выпрямился и протянул ей стальной значок.

— А взамен, — голос стал жёстким, как закаленная сталь, — я назову тебе имя твоего настоящего врага. И подскажу способ до него добраться. Мы в одной лодке, убийца. Ты хочешь мести, я хочу трон. Не разочаруй меня.

Изольда посмотрела на значок.

— У меня есть условие, — сказала она.

Принц вопросительно склонил голову.

— Если вы меня обманете, — тихо продолжила Изольда, и в её серых глазах впервые с момента пробуждения полыхнул опасный, ртутный огонь, — я не стану ждать следующей реинкарнации. Я убью вас снова. И в этот раз — без яда. Голыми руками.

Рейнард запрокинул голову и рассмеялся. Смех был искренним и пугающим.

— Узнаю свою Тень, — выдохнул он, вытирая выступившую слезу. — Добро пожаловать в Большую Игру, Палач. Фигуры только выходят на доску.

Глава 2. Эликсир из пепла феникса

Смех принца ещё звенел под низкими балками потолка, когда Изольда сделала то, чего никогда не сделала бы Элара Вейн. Она улыбнулась в ответ.

Это была не та вежливая, дрожащая улыбка, которой Изольда ван дер Берг привыкла умилостивлять кредиторов отца. Это была холодная усмешка Магистра Убийц, от которой у пажа за спиной принца подкосились колени.

— Голыми руками — это вульгарно, Ваше Высочество, — Изольда опустила значок в потайной карман нижней юбки. — Но я ценю вашу веру в мои способности. Где эликсир?

Рейнард перестал смеяться. Его взгляд стал тяжёлым, оценивающим. Он только что понял, что девушка перед ним — не просто испуганная дворянка с памятью убийцы. Она уже приняла правила игры и требовала плату вперед.

— Он у меня, — принц кивнул пажу. Тот с видимым облегчением сунул руку за отворот дублета и извлек на свет маленький флакон из чёрного вулканического стекла. Внутри переливалась жидкость цвета застывшей крови. — «Сердце Искажения». Выпьешь за час до экзамена. Твой резерв станет равен уровню младшего магистра.

Он не протянул флакон ей, а зажал его в кулаке.

— Но есть побочный эффект, — продолжил Рейнард, делая шаг вплотную. Изольда почувствовала, как по коже прошёл разряд статики — признак высокого Резонанса. — Когда действие закончится, ты рухнешь без сил. Если к тому моменту у тебя не будет доступа к моим личным целителям, твой дар снова уснет. На этот раз — навсегда. Ты станешь овощем, Изольда. Твои прекрасные планы мести закончатся в грязном приюте для душевнобольных.

Это была не угроза. Он проверял, способна ли она мыслить стратегически, когда на кону стоит её собственная шкура.

Изольда не моргнула. Она посмотрела на флакон, затем прямо в серые, как зимнее море, глаза принца.

— Значит, мне нужно продержаться ровно час, — констатировала она. — И найти способ украсть у вас формулу эликсира до того, как он мне понадобится. Или стать достаточно полезной, чтобы вы не позволили мне умереть.

Рейнард моргнул. А затем снова улыбнулся — на этот раз медленно, одобрительно.

— Узнаю почерк, — он наконец разжал пальцы и вложил флакон ей в ладонь. Стекло было ледяным. — Формулы у меня нет. Его варят алхимики Ордена Пепла. Но я ценю твой деловой подход.

Он отступил на шаг, возвращая себе дистанцию.

— Твой новый дом, — принц обвел взглядом сырые стены

с пятнами плесени. — Дом ван дер Бергов. Опозорен тридцать лет назад, когда твой дед попытался отравить короля. Вы лишены титула, земли проданы за долги. Твой отец пьет, мать молится, а младший брат торгует собой в доках, чтобы купить хлеба. Милое семейство.

Каждое слово било точно в цель, вскрывая биографию тела, в котором она оказалась. Изольда почувствовала глухое, чужое отчаяние — отголоски памяти настоящей Изольды, которая умерла от чахотки неделю назад, не выдержав позора.

У неё не было времени на скорбь по чужой девочке.

— Я в курсе состояния своих финансов, — ровно ответила она, пряча флакон в рукав. — Именно поэтому мне нужен Магистериум. Дипломатическая неприкосновенность — лучший щит от кредиторов.

— Это не щит, — Рейнард покачал головой. — Это золотой поводок. В Магистериуме учатся дети тех, кто предал тебя. Сын того самого заказчика, графа фон Альбрехта, учится на факультете Права. Дочь инквизитора, который шёл по твоему следу в Шварцвальде — на факультете Теургии. Они узнают тебя. Не по лицу. По манере двигаться. По тому, как ты считаешь углы в комнате.

— Пусть попробуют, — Изольда позволила себе хищный оскал. — Я знаю семнадцать способов убить человека серебряной вилкой.

Принц тихо фыркнул.

— Вилками займешься позже. Сейчас — сборы. Ты не можешь явиться в Магистериум в этих обносках. Тебя засмеют ещё на воротах.

Он щёлкнул пальцами снова. На этот раз из коридора шагнула не служанка, а высокая, статная женщина в строгом сером платье старшей гувернантки. Её лицо было бесстрастным, а руки — в нитяных перчатках.

— Магда, — бросил Рейнард. — Оденьте леди Изольду. Строго, но богато. Черный бархат, серебряное шитье. Никаких рюшей. Она должна выглядеть как вдова-торговка, которая пробивается в высшее общество, а не как нищенка.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — гувернантка склонилась в поклоне, но её взгляд, брошенный на Изольду, был полон холодного неодобрения. Старая знать презирала выскочек.

— У вас есть три часа, — принц посмотрел на карманные часы с репетиром. — Затем я пришлю за вами карету. Мы едем в город.

— Покупать платья? — приподняла бровь Изольда.

— Покупать связи, — отрезал Рейнард. — На приёме у герцогини фон Левенхафт будет половина попечительского совета Магистериума. Ты должна очаровать их. Или напугать. Мне все равно, какой метод ты выберешь, пока результат — твое зачисление.

Он развернулся, собираясь уходить, но замер в дверях.

— И, Изольда, — он не обернулся, говоря в полумрак

коридора. — Старая Изольда ван дер Берг была слаба. Она умерла от того, что её лёгкие сгнили в этом подвале. Если ты позволишь хоть одной живой душе увидёть в тебе ту плаксивую девочку... я скормлю твое сердце ритуальному кругу. Это понятно?

— Предельно, Ваше Высочество, — ответила она в его спину.

Когда звук тяжёлых сапог принца стих на лестнице, Изольда позволила себе выдохнуть. Она подошла к мутному зеркалу в бронзовой раме.

На неё смотрело осунувшееся лицо с лихорадочным румянцем на скулах. Темные волосы, которые настоящая Изольда всегда прятала под чепцом, сейчас грязными сосульками падали на плечи. Но глаза... Элара Вейн смотрела на себя из этой чужой, больной оболочки.

— Магда, — позвала Изольда, не отрывая взгляда от своего отражения. — Горячую воду. Много.

Гувернантка замерла с ворохом чёрного бархата в руках.

— Простите, миледи? Вы собираетесь... Мы должны дождаться лекаря, ваш кашёль...

— Не горло, — Изольда повернулась, и её голос лязгнул сталью. — Волосы. Срежьте это все. Под корень.

Магда побледнела. В Золотой Марке женщины не стриглись коротко, это считалось признаком либо публичной женщины, либо еретички.

— Но леди, ваш отец...

— Мой отец сейчас лакает кислое вино в таверне «Свинья и Корона», — перебила Изольда. — И если он посмеет открыть рот в моем присутствии, я за себя не ручаюсь. Делайте, что сказано. И принёсите мне ту ржавую кольчугу, что висит в чулане. Ту, что принадлежала моему деду.

— Миледи, это же исторический доспех...

— Это мой новый корсет, — Изольда вытащила из рукава флакон «Сердца

Искажения», посмотрела на него на свет и убрала обратно. — Рейнард хочет, чтобы я выглядела как торговка. Он получит торговку. Но такую, под платьем которой звенит сталь и прячется эликсир, способный сжечь этот город дотла.

Спустя два часа, когда Рейнард Готхольд прислал за ней закрытый экипаж, в холл спустилась не Изольда ван дер Берг, а женщина-воин.

Её волосы были острижены, по-мужски коротко, открывая длинную, изящную шею. Черное бархатное платье было лишено корсета и сидело свободно, как туника, но тяжёлый серебряный пояс, снятый с боевого доспеха, перехватывал талию.

Магда ахнула. Кучер у экипажа удивлённо замер.

Изольда поднялась в карету, где её уже ждал принц. Он окинул её фигуру долгим взглядом

— от босых, но идеально чистых ног до дерзко поднятого подбородка.

— Коротко, — хмыкнул он.

— Меньше площади для захвата в ближнем бою, — парировала Изольда, усаживаясь напротив. — И удобнее прятать ножи.

Рейнард протянул ей тяжёлый бархатный кошёль звякающий металлом.

— Пятьдесят золотых монет. Твой стартовый капитал. Твой отец должен ростовщикам сто. Отдай им половину, пусть подавятся.

— А остальное?

— Купишь нормальные туфли, — принц брезгливо покосился на её ноги. — И перчатки.

Карета качнулась и тронулась с места, увозя их из трущоб в сияющий центр Альтдорфа. За окном замелькали фонари и витрины ювелирных лавок.

— Куда мы едем на самом деле? — спросила

Изольда, поглаживая пальцами флакон в рукаве. — Герцогиня Левенхафт принимает гостей днем. Сейчас почти ночь.

— Мы едем в Нижний город, — Рейнард откинулся на подушки. В полумраке кареты его лицо казалось высеченным из камня. — К алхимику по имени Кривой Ганс. Он торгует запрещёнными катализаторами Эфира.

Изольда напряглась.

— Зачем? У вас же есть «Сердце Искажения».

— Одно зелье — это костыль, — принц посмотрел на неё в упор. — Мне нужно, чтобы в Магистериуме ты не просто

прошла барьер. Мне нужно, чтобы ты сожгла его дотла. Я хочу, чтобы архимагистр Кроуфорд, глава приёмной комиссии, лично спустился к воротам, чтобы посмотреть на девчонку, чей Резонанс фонит сильнее, чем у стихийных драконов.

Он наклонился вперед, глаза опасно блеснули.

— А для этого, моя дорогая Тень, понадобится не один флакон. А лавка Ганса целиком. И ты выпьешь всё.

Изольда почувствовала, как по жилам разливается знакомый, пьянящий азарт охоты.

— Если я сгорю изнутри, Ваше Высочество, — медленно проговорила она, — то заберу вас с собой. Прямо из вашей ложи на выпускном экзамене.

— Постарайся не сгореть, — усмехнулся Рейнард.

Карета нырнула в тёмные, вонючие переулки Нижнего Альтдорфа, где закон Золотой Марки переставал действовать, и начиналась территория голой силы и алхимического безумия.

Глава 3. Нижний Альтдорф и Кривой Ганс

Нижний Альтдорф пах дегтем, нечистотами и жжёным сахаром. Экипаж принца, казавшийся в Верхнем городе величественным, здесь выглядел как сундук с золотом, брошенный посреди болота. Рейнард опустил шторку, отсекая тусклый свет газовых фонарей.

— Жди здесь, — бросил он кучеру. — Если через час не выйду — уезжай.

Кучер, ветеран имперской кавалерии, лишь молча кивнул

и положил руку на рукоять тяжёлого пистолета, торчащего из-за пояса.

Изольда выпрыгнула из кареты первой. Мостовая Нижнего города была покрыта скользкой пленкой, в которой отражались вывески алхимических лавок: «Слезы русалок», «Печень дракона», «Истинный философский камень».

Рейнард, сбросивший с плеч всю царственную небрежность, двигался сквозь толпу как нож сквозь масло. Его Резонанс, обычно сдержанный, сейчас едва заметно давил на плечи — примитивная, но эффективная техника устрашения, заставляющая карманников и шлюх шарахаться в стороны.

Они остановились у лавки, которая не имела названия. Только ржавая железная дверь с заклепками и небольшое окошко, забранное решеткой в виде тернового венца. Из-под двери тянуло запахом формалина и сладковатым ароматом гниения.

— Кривой Ганс не берёт учеников, — тихо сказал принц, берясь за чугунное кольцо двери. — И ненавидит аристократов. Твоя задача — не дать ему убить меня в первые три секунды.

— Я думала, вы здесь покупатель, — Изольда проверила, лёгко ли выходит стилет из крепления на предплечье.

— Я покупатель его лояльности, — Рейнард толкнул дверь. — А Ганс лоялен только к тем, кто может сжечь его лавку быстрее, чем он успеет произнести заклинание щита.

Звякнул дверной колокольчик, сделанный из человеческой бедренной кости.

Внутри лавка напоминала анатомический театр после бомбежки. Под потолком на медных крюках висели заспиртованные химеры. На полках стояли банки с плавающими в мутной жидкости глазами, сердцами и чем-то, подозрительно напоминающим фей в разной степени расчленения. В углу, скрючившись над тигелем, в котором пузырилось нечто ярколимонное, стоял человек.

Он был горбат, лыс, а его левую половину лица скрывала кожаная маска. Правый глаз — мутный, белесый — смотрел не на вошедших, а куда-то сквозь. Настоящий Ганс, должно быть, давно умер. Этого же звали Гансом просто по привычке.

— Опять ты, Готхольд, — проскрипел алхимик, не оборачиваясь. Его голос был похож на звук трения наждака о стекло. — Пришёл забирать мой последний «Громобой»? Я же сказал, для твоей коронации скидка не предусмотрена.

— Мне нужно кое-что посильнее, — Рейнард прошёл вглубь, небрежно смахнув со стола мумифицированную кисть гарпии, чтобы поставить на него локоть. — Мне нужен «Предел».

Ганс наконец повернулся. Его единственный зрячий глаз дернулся, фокусируясь на принце, а затем скользнул по фигуре Изольды. Алхимик прищурился.

— «Предел»? — он хрипло рассмеялся, и смех перешёл в

удушливый кашёль. — Мальчик, «Предел» не варят. Его собирают по капле из крови тех, кто умер, разорвав свой собственный Эфир. Если твоя подружка его выпьет, её каналы сгорят, а душа вылетит через уши. В лучшем случае.

— Она не моя подружка, — ровно ответил принц. — Она мой инструмент. И точно выживёт. Я гарантирую это своим словом.

— Твое слово стоит меньше, чем эта заспиртованная крыса, — Ганс ткнул скрюченным пальцем в банку. — Убирайся. Или плати авансом. Я хочу стать бароном, с землей.

Изольда сделала шаг вперед, выходя из-за спины принца. И, не произнося заклинаний, позволила своей ауре Элары Вейн, Магистра

Убийц — просочиться сквозь плоть Изольды ван дер Берг.

Температура в лавке упала на десять градусов. Жидкость в банках пошла рябью. Засушенные бабочки на стенах осыпались пеплом.

Ганс схватился за сердце и медленно, очень медленно опустился на колени, стукнувшись лбом о грязные доски пола. Его единственный глаз был полон животного ужаса.

— Палач... — выдохнул он. — Ты привела Палача в мой дом.

— Встань, Ганс, — голос Изольды был лишен эмоций. — Мы не за твоей душой. Сегодня. Нам нужен «Предел». Весь, что у тебя есть. И катализатор «Белая Смерть» к нему.

Алхимик, не смея подняться, пополз на коленях к массив-

ному сейфу, вмурованному в стену. Его пальцы так тряслись, что ключ несколько раз падал на пол.

— «Белая Смерть» выжжет ей гортань, — прохрипел он, возясь с замком. — Она не сможет говорить. Не сможет глотать. Будет только кричать.

— Я не собираюсь устраивать званый ужин, — Изольда подошла ближе. Рейнард наблюдал за ней со смесью научного интереса и садистского удовольствия. — Давай сюда.

Ганс извлек из сейфа два флакона. Первый — из чёрного вулканического стекла, точная копия того, что дал ей принц, но этот был втрое больше. Второй — крошечная ампула из горного хрусталя, внутри которой билась, как живая, серебристая искра.

— Дозировка, — Ганс говорил, не поднимая глаз. — «Предел» — три полных глотка. Не больше. Если выпьет всё — взорвётся.

«Белую Смерть» — влить в горло сразу после первого глотка «Предела». Это запечатает каналы, чтобы Эфир не вырвался наружу раньше времени.

Рейнард бросил на стол тяжёлый кожаный мешок. Звук удара был густым, металлическим.

— Здесь пятьсот монет серебром, — сказал принц. — И расписка. Если с ней что-то случится, или если ты продашь рецепт «Предела» кому-то ещё... я найду тебя даже в Бездне. И поверь, то, что делает Палач, покажется тебе милосердием.

Ганс лишь судорожно кивнул, сгребая золото.

Когда они вышли под холодный моросящий дождь, Рейнард забрал у Изольды флаконы.

— Ты его напугала, — заметил он, пряча стекло во внутренний карман своего дублета. — Я думал, придётся ломать ему пальцы.

— Страх эффективнее, — Изольда потерла запястье. Давление Палача требовало колоссального контроля, чтобы не убить цель. — И дешевле. Что такое «Предел» на самом деле?

— Концентрат чистой маны, выжатый из Эфирных разломов, — Рейнард накинул капюшон. — Обычно он убивает носителя, потому что человеческое тело — это глиняный кувшин. Мы собираемся превратить тебя в адамантиновый сосуд. На один час.

Карета тронулась. Обратная дорога в Верхний город казалась бесконечной. Изольда смотрела на профиль принца. В колеблющемся свете фонарей его лицо казалось высеченным из мрамора, но она видела трещину — тонкий, белесый шрам, идущий от виска вниз, под воротник.

— Шварцвальд? — спросила она, кивнув на шрам.

Рейнард коснулся пальцами виска.

— Твой кинжал. Ты оставила его в кости, когда инквизиторы ворвались в окно. Пришлось вырезать.

— Плохая работа лекаря, — констатировала Изольда.

— Хорошая работа для того, кто умирал, — принц отвернулся к окну. — Мы почти приехали. Соберись. Герцогиня

Левенхафт — ядовитая гадина. Она попытается унизить тебя, чтобы выслужиться перед моим отцом.

— Как именно она попытается меня унизить? — Изольда поправила короткий рукав платья, проверяя доступ к стилету.

— Она предложит тебе чашу с пуншем, — усмехнулся Рейнард. — И скажет, что ты можешь помыть в ней руки, раз уж у тебя нет служанки, чтобы тебя разуть.

Изольда холодно улыбнулась.

— В таком случае, Ваше Высочество, будьте готовы ловить свою будущую невесту. Потому что герцогиня фон Левенхафт уронит свой пунш. И он будет очень горячим.

Карета остановилась у парадного входа в особняк Левенхафтов. Мраморные ступени были залиты светом, а наверху, под колоннадой, уже собралась толпа расфуфыренной знати.

Рейнард посмотрел на Изольду. Его взгляд был жёстким, оценивающим.

— Помни наш уговор, Тень. Сегодня мы продаем им сказку. Сказку о бедной, но невероятно талантливой сиротке, которую приютил добрый кронпринц.

— Поняла, — кивнула Изольда.

Принц открыл дверцу кареты, выпуская её под дождь. — Мы продаем им страх перед тем, что я больше не один. Выходи и улыбнись так, как улыбалась Гансам.

Изольда шагнула под свет газовых фонарей. Холодные капли дождя смешивались на её лице с жаром, который уже

начинал подниматься по венам от одной только мысли о том, что ждет её через три дня в подземельях Магистериума.

Она поднялась по мраморным ступеням. Рейнард подал руку. Ладонь была горячей.

— И, Изольда, — тихо добавил он, прежде чем они переступили порог, за которым играла скрипка и пахло дорогими духами. — Если ты уронишь пунш на платье герцогини, я буду вынужден официально попросить твоей руки, чтобы спасти твою честь.

— Я в курсе, — она вложила свои пальцы в его ладонь. — Поэтому я уроню его на её колени.

Двери распахнулись. Игра началась.

Глава 4. Пунш и политика

Бальный зал герцогини Левенхафт сиял золотом. Сотни свечей в хрустальных люстрах плавили воздух, смешивая запахи воска, гиацинтов и приторного пачули. Знать Золотой Марки — в кружевах, бархате и с фальшивыми улыбками — напоминала стаю экзотических, но смертельно ядовитых насекомых.

Изольда шла по скользкому паркету под руку с Рейнардом. Она чувствовала на себе десятки взглядов. Насмешливых, оценивающих, брезгливых. Черное платье без корсета, короткие волосы и отсутствие драгоценностей выделяли её на фоне этого серпентария, как кляксу на белейшей скатерти.

— Леди ван дер Берг, — пропела герцогиня Левенхафт,

отделяясь от группы матрон. Это была женщина, похожая на фарфоровую куклу, внутри которой гнила плоть. — Какая... неожиданность.

Она протянула Изольде тяжёлый серебряный поднос, на котором стояла единственная чаша с дымящимся, пряным пуншем. Рядом, на другом подносе, возвышалась гора салфеток.

— Я заметила, как вы дрожите от холода, дитя, — продолжила герцогиня, и её глаза торжествующе блеснули. — Возьмите. О, простите, у вас же руки заняты. Ничего, я поставлю чашу прямо на пол. Вы можете встать на колени и выпить. Говорят, это отлично согревает кровь.

Свита герцогини захихикала. Это был удар ниже пояса — публичное унижение, после которого Изольде ван дер Берг оставалось бы только утопиться.

Изольда остановилась. Она мягко высвободила руку из ладони принца. Рейнард напрягся, готовый вмешаться, но она едва заметно качнула головой.

— Благодарю за заботу, ваша светлость, — голос Изольды прозвучал тихо, но акустика зала разнесла его в самые дальние углы, заставив смех стихнуть. — Вы правы, я действительно замерзла в нашей сырой мансарде.

Она сделала шаг к герцогине. Толпа инстинктивно подалась назад.

— Но пить с пола... — Изольда посмотрела прямо в маленькие, поросячьи глазки герцогини. — Это удел тех, кто

лишен манер. Я предпочитаю, чтобы мне подавали напитки в руки.

Герцогиня побагровела. Её фарфоровая маска треснула.

— Да как ты смеешь, наглая...

В этот момент Изольда резко, почти не глядя, протянула руку назад. Её ладонь встретилась с ладонью Рейнарда. Принц, ожидавший этого, без колебаний вложил в её руку ту самую крошечную ампулу из горного хрусталя — «Белую Смерть», — которую они забрали у Ганса.

Изольда перехватила ампулу и, прежде чем кто-либо успел моргнуть, с хирургической точностью раздавила её о край серебряной чаши с пуншем, которую герцогиня всё ещё держала в руках.

Раздался тихий, мелодичный звон хрусталя.

Жидкость в чаше мгновенно изменила цвет.

Из рубиново-красной она стала мёртвенно-белой, как разбавленное молоко, и от неё пошёл густой, морозный пар, который тут же оседал инеем на серебре.

— Ох, — Изольда картинно прижала свободную руку ко рту. — Какая неловкость. Ваша светлость, ваш пунш...

Герцогиня, чьи пальцы сжимали ледяную чашу, взвизгнула. Влага из теплого пунша мгновенно приморозила её кожу к серебру. Она дернула руку, пытаясь освободиться, но лишь сорвала лоскут кожи с ладони. Чаша выпала из её искалеченных пальцев.

Она не упала на пол.

Белая жидкость, коснувшись дорогого дубового паркета, не разлилась, а только вгрызлась в дерево. Пунш «Белая Смерть» начал стремительно поглощать тепло.

Паркет под ногами герцогини пошёл трещинами, покрываясь толстой коркой льда. Холодная волна с тихим хрустом поползла в стороны, замораживая подолы платьев стоявших рядом дам. Одна из них с криком рухнула на обледенелый пол, поскользнувшись.

В зале повисла мёртвая тишина, в которой был слышен только треск лопающегося дерева и вопль герцогини, прижимающей к груди обмороженную руку.

Рейнард шагнул вперед, закрывая Изольду собой от надвигающейся паники. Его лицо было суровым.

— В моем присутствии на наследницу ван дер Берг было совершено нападение, — его голос, усиленный Эфиром, ударил по ушам, заставляя всех замереть. — Кто-то подменил чашу герцогини на сосуд с алхимическим ядом замедленного действия. Капитан гвардии! Изолировать зал. Всех гостей — на досмотр. Герцогиню — к целителям. Похоже, кто-то очень не хочет, чтобы Золотая Марка имела сильного кронпринца и талантливых союзников.

Он обернулся к Изольде. Его глаза были тёмными и довольными.

— Вы в порядке, леди? — спросил он громко, для ушей толпы. — Этот мерзкий пунш не попал на ваше платье?

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество, — Изольда

присела в глубоком реверансе, пряча в кулаке оставшийся осколок ампулы. — Я лишь испугалась.

— Гвардия! — рявкнул принц. — Проводите леди ван дер Берг в мои покои. Здесь становится небезопасно.

Когда гвардейцы в алых плащах сомкнули строй вокруг Изольды, уводя её из зала, она позволила себе выдохнуть.

Рейнард вошёл в свои покои через двадцать минут. Гвардейцы остались за дверью.

Изольда сидела в кресле у незажжённого камина. Она уже не выглядела как загнанная дворянка. Она сидела, закинув ногу на ногу, и методично, с академическим интересом, изучала свои ногти.

— Герцогиня выживёт, — бросил принц, наливая себе вина. — Потеряет два пальца на левой руке, но выживёт. Совет в ярости. Мой отец в ярости. Завтра утром меня вызовут на ковер.

— Значит, завтра утром вы будете злым и уязвимым, — констатировала Изольда. — Удобное время для вербовки преподавателей.

— Ты едва не устроила резню на приёме, — Рейнард осушил бокал. — Я сказал им, что это была атака на меня. Но Левенхафты не простят. Они начнут искать того, кто принёс яд.

— Пусть ищут, — Изольда наконец подняла на него глаза. — У Ганса на входе нет регистрационной книги. А «Белая Смерть» не оставляет следов в крови, она просто выморажи-

вает ткани.

Она встала и подошла к нему. В её движениях больше не было скованности Изольды ван дер Берг. Только плавная, смертоносная грация Элары.

— Вы получили что хотели, — сказала она тихо. — Теперь моя очередь. Вы обещали мне формулу.

Рейнард долго смотрел на неё. На её короткие волосы, спокойное лицо и руки, которые только что почти уничтожили одну из самых влиятельных семей Марки, даже не запачкав перчаток.

— Ты чудовище, — прошептал он.

— Мы все чудовища, Ваше Высочество, — Изольда взяла из его рук бутылку вина и сама наполнила свой бокал. — Просто вы носите корону, а я — кинжалы. Дайте мне пергамент.

Принц подошёл к массивному секретеру из мореного дуба. Достал лист плотной бумаги, чернила. Его перо быстро заскрипело по бумаге, выводя сложную вязь алхимических символов.

Пока он писал, Изольда подошла к окну. Дождь кончился, и над шпилями Альтдорфа показалась луна.

— Фон Альбрехт будет на экзаменах, — внезапно сказал Рейнард, не отрываясь от письма. — Его сын, Карл, учится на факультете Боевой магии. Он труслив, но амбициозен. Он попытается спровоцировать тебя, чтобы защитить честь отца.

— Я вырву ему гортань, — спокойно ответила Изольда.

— Нет, — принц посыпал чернила песком. — Ты сделаешь так, чтобы он публично обмочился от страха. Я хочу, чтобы старый граф увидел, во что превратился его наследник. Сломленный сын — лучший рычаг давления на непокорного пэра.

Он скатал пергамент в трубку и протянул ей.

— Здесь формула «Предела» и катализатора. Ганс дал нам чистую версию. Это убьет тебя. Здесь, — он достал из кармана ещё один, помятый свиток, — мои заметки. Как смешать это с твоей собственной кровью, чтобы каналы не разорвало. Это риск. Один к трем, что ты выживешь.

Изольда взяла оба свитка. Бумага была теплой от его рук.

— Хорошие шансы, — она спрятала пергаменты в корсаж. — Когда следующее испытание Магистериума?

— Послезавтра. Частный ужин для абитуриентов в доме архимагистра Кроуфорда, — Рейнард запер секретер. — Ты пойдешь со мной. И ты будешь пить только воду.

— Я не люблю воду.

— Научишься, — принц повернулся к ней. В его глазах больше не было игры. Только тяжёлая, свинцовая усталость правителя. — Ты спишь в комнате для прислуги. За той стеной — мои покои. Дверь будет заперта. Если я услышу, что ты пытаешься её вскрыть...

— Вы услышите только то, как я сплю, — перебила его

Изольда. — Я знаю цену сделки. Вы дали мне оружие. Я использую его для вас.

Она отсалютовала ему бокалом и направилась к двери в смежную, скромно обставленную комнату.

— Доброй ночи, Ваше Высочество.

— Доброй ночи, моя Тень, — ответил он в закрывшуюся дверь.

Оставшись один, Рейнард подошёл к камину и наконец разжег огонь. Пламя отразилось в его зрачках. Он посмотрел на свои руки. На шрам от стилета всё ещё слабо реагировал на холод — фантомная боль от встречи с «Белой Смертью».

— Она действительно убьет меня, — сказал принц в пустой зал. — Если я дам ей повод.

Но глядя на закрытую дверь, за которой спала самая опасная женщина в Золотой

Марке, он впервые за три года почувствовал себя в безопасности. Это было очень тревожное чувство.

Глава 5. Ужин у архимагистра

Дом архимагистра Кроуфорда пах старыми книгами, пчелиным воском и озоном. Это было место, где мощь Эфира была настолько густой, что оседала на языке металлическим привкусом.

Изольда шла по анфиладе залов вслед за Рейнардом. Сегодня на ней было другое платье — из тёмно-серого шёлка, сшитое на деньги принца. Оно сидело идеально, подчеркивая талию, но в швы корсета и подола были вшиты тонкие

свинцовые пластины — импровизированная защита от стилетов, а в рукаве прятался веер из заточенной стали.

— Улыбайся, — процедил Рейнард сквозь зубы, когда они проходили мимо группы смеющихся абитуриентов. — Ты — моя протеже. Бедная, но гениальная сиротка. Плачь, если нужно, но только от умиления моими речами.

— Если я заплачу, то только от скуки, — отозвалась Изольда, вежливо кланяясь проходящей мимо даме.

[Статус: Изольда ван дер Берг. Очки Влияния: 450. Активный квест: «Интеграция». Прогресс: 15/100].

Архимагистр Кроуфорд оказался высоким, худым человеком, чья борода была заплетена в сложную косу с вплетенными в неё серебряными рунами. Он лично встречал гостей у входа в малую столовую.

— Кронпринц, — Кроуфорд склонил голову. — А это, должно быть, ваша протеже. Леди... ван дер Берг. Да, я помню род. Ваш дедушка был талантливым алхимиком. Жаль, что он перепутал цикуту с кориандром.

— Талант иногда требует жертв, архимагистр, — спокойно ответила Изольда, выдерживая его пронзительный взгляд. — Надеюсь, мой Эфир не взорвёт вашу столовую. Я всё ещё учусь его контролировать.

Кроуфорд хмыкнул, его глаза сверкнули интересом. Большинство дворянских детей трепетали перед ним. Эта смотрела на него как на интересный экземпляр в банке с формалином.

— Мы это проверим, дитя, — сказал он. — Прошу к столу.

Ужин был устроен в форме буквы «П». Во главе стола сидел сам архимагистр. Справа от него — Рейнард. Слева — пустое кресло, предназначенное для Изольды, что ставило её на один уровень с кронпринцем в иерархии этого вечера. Это была публичная пощечина старой аристократии.

Карл фон Альбрехт сидел прямо напротив неё. Он был бледен, его руки, державшие серебряную вилку, мелко дрожали. Когда Изольда заняла свое место, их взгляды встретились. Карл побелел ещё сильнее и едва не уронил бокал.

— Леди Изольда, — пропела дочь инквизитора, Эльза фон Штейн, сидевшая по левую руку от Карла. Её платье было усыпано бриллиантами, а на шее висел тяжёлый золотой кулон-детектор магии. — Мы так много слышали о вашей... трагедии. Говорят, вы жили в такой сырости, что у вас даже Эфир покрылся плесенью. Это правда, что вы не можете зажечь свечу без огнива?

— Абсолютная правда, фройляйн фон Штейн, — Изольда взяла салфетку. — Я предпочитаю не играть с тем, чего не понимаю. В отличие от некоторых, кто использует артефакты инквизиции как модные аксессуары. Говорят, детекторы фон Штейнов иногда ложно срабатывают на тех, кто просто очень сильно потеет от страха.

Эльза вспыхнула и инстинктивно схватилась за свой кулон. Тот едва заметно нагрелся, реагируя на всплеск адрена-

лина хозяйки. Свидетели за столом тихо захихикали.

— Довольно, — мягко, но властно произнес Кроуфорд. — Мы здесь не для светской грызни. Мы здесь для проверки потенциала. Леди Изольда, я слышал, ваш дар спит. Это прискорбно. Магистериуму нужны те, кто может жечь, а не те, кто может лишь тлеть.

— Архимагистр, — Изольда положила вилку. — Огонь бесполезен, если не знаешь, куда его направить. Я предпочитаю знать анатомию врага. Это экономит ману.

— Смелое заявление, — Кроуфорд откинулся на спинку стула. — Докажите.

Он щёлкнул пальцами. Перед Изольдой на пустой тарелке материализовался маленький, едва заметный конструкт из чистого Эфира — переливающийся синим шар.

— Это «Эфирная пыль». Простейший тест на Резонанс, — объявил архимагистр. — Ваша задача — удержать его от распада в течение минуты. Если ваш дар действительно спит, он просто пройдёт сквозь пальцы. Начали.

Изольда протянула руку над тарелкой. Она чувствовала взгляды всей столовой, впивающиеся ей в затылок. Она чувствовала, как Рейнард едва заметно напрягся слева.

Она закрыла глаза.

Она не тянулась к Эфиру. Она не пыталась призвать магию. Она сделала то, что умела лучше всего — она начала считать.

[Анализ конструкта. Плотность: 2 ед. Стабильность:

98%. Вектор распада: центробежный].

Ее пальцы сомкнулись в миллиметре от синего шара. Она не касалась его магией. Она просто поймала его в физический захват, создав между кожей и Эфиром прослойку из уплотненного воздуха — старый трюк уличных фокусников, помноженный на нечеловеческую точность убийцы.

Шар замер.

— Минута пошла, — бесстрастно сказал Кроуфорд, глядя на свой хронометр.

Прошло десять секунд. Шар не дрожал.

Двадцать секунд. Эльза фон Штейн подалась вперед, её детектор начал пульсировать тревожным красным светом — он не понимал, почему конструкт стабилен, если Резонанс объекта равен нулю.

Тридцать секунд. Карл фон Альбрехт перестал дышать.

Сорок секунд. Рейнард позволил себе сделать крошечный глоток вина, скрывая улыбку.

— Время, — объявил архимагистр.

Изольда разжала пальцы. Синий шар рассыпался облачком безвредных искр.

— Вы не использовали магию, — Кроуфорд прищурился. — Это был физический контроль. Обман. Жульничество.

— Это был контроль, — парировала Изольда. — Магия — это инструмент. Мозг — это архитектор. Если у меня нет инструмента, я использую руки. Если у меня нет рук, я использую ваш кинжал.

Она посмотрела прямо на Карла.

— Например, кинжал вашего отца, граф. Тот самый, что он подарил вам на пятнадцатилетие. Я заметила, как ваша рука дернулась к голенищу сапога, когда я вошла. Плохая привычка. В Магистериуме за такие рефлексы ломают запястья.

Карл дернулся, как от удара плетью. Его вилка со звоном упала на тарелку.

— Хватит, — голос Рейнарда прозвучал тихо, но перекрыл зарождающийся ропот. Архимагистр, леди Изольда не проходила стандартного обучения. Её навыки... нестандартны. Но она видит структуру мира.

Кроуфорд долго смотрел на Изольду. Его взгляд был тяжёлее каменной плиты.

— Вы опасны, дитя, — наконец произнес он. — Вы не маг. Вы — бритва в бархатной перчатке.

— Боюсь, в Золотой Марке бархат больше не защищает горло, — ответила Изольда. — Я просто адаптировалась.

Ужин продолжился в гнетущей тишине. Когда подали десерт — воздушное суфле из нектара фей, — Рейнард наклонился к Изольде так близко, что его дыхание коснулось её уха.

— Кроуфорд сделает вид, что раздумывает, — прошептал он. — На самом деле ты уже зачислена. Но завтра он придёт ко мне. Он потребует объяснений. Он спросит, откуда у дочери банкрота навыки Магистра Убийц.

— Что вы ответите? — так же тихо спросила Изольда, изящно отделяя ложечкой кусочек суфле.

— Я скажу ему правду, — принц усмехнулся. — Что я нашёл её в сточной канаве. И что она обязана мне всем.

— Это ложь, — Изольда отправила суфле в рот. — Я обязана вам только флаконом с «Пределом». Остальное я возьму сама.

Она промокнула губы салфеткой и встретилась взглядом с Карлом фон

Альбрехтом по ту сторону стола. Она не улыбнулась. Она просто медленно, демонстративно провела пальцем по лезвию своего столового ножа, стирая с него несуществующую пылинку.

Карл фон Альбрехт внезапно смертельно побледнел и, задыхаясь, прижал руку к горлу. Он начал кашлять — хрипло, надсадно, словно его лёгкие внезапно наполнились водой.

Эльза фон Штейн вскрикнула. Кроуфорд привстал.

— Ему дурно, — констатировала Изольда, делая глоток воды. — Возможно, несвежее суфле. У аристократов такое чувствительное пищеварение.

Рейнард посмотрел на неё с неприкрытым, почти пугающим восхищением.

— Вы невыносимы, — прошептал он.

— Вы знали, на что шли, Ваше Высочество, — она поставила бокал. — Идемте. Мне нужно выспаться. Завтра мне предстоит впервые за три года попытаться сжечь свечу. И я

боюсь, что если я сконцентрируюсь слишком сильно, я сожгу весь квартал.

Она встала, присела в реверансе перед побледневшим архимагистром и, не оглядываясь на корчащегося Карла, вышла из столовой.

Рейнард остался, чтобы принёсти извинения. Но глядя в спину удаляющейся Изольды, он думал лишь об одном: флаконы Ганса были лишь началом. Если она способна на такое с нулевым Резонансом, то когда она выпьет «Предел» и «Белую Смерть», от Альтдорфа останется только пепел. И ему, кронпринцу, придётся бежать очень быстро, чтобы этот пепел не засыпал и его.

Глава 6. Анатомия пламени

Комната для прислуги пахла крахмалом и пылью. Единственное окно выходило в глухой колодец двора, где даже лунный свет казался серым. Изольда заперла дверь на тяжёлый чугунный засов — не из страха перед Рейнардом, а по старой, въевшейся в кости привычке Элары.

Она села на край узкой койки. Положила на колени свиток с формулой «Предела». Рейнард был гениальным алхимиком, его пометки на полях читались как поэма смерти. Он действительно нашёл способ обмануть тело.

[Анализ формулы. Вероятность успеха: 31%. Вероятность полного выгорания каналов: 42%. Вероятность необратимого безумия: 27%].

Изольда свернула пергамент. Цифры её не пугали. Элара

Вейн не боялась смерти, потому что умирать было её профессией. Но сейчас в её груди шевелилось что-то чужое — холодный, липкий страх Изольды ван дер Берг. Страх перед болью. Настоящая Изольда умерла от чахотки, месяцами захлебываясь собственной кровью, и тело помнило эту агонию.

— Глупо, — прошептала Изольда, обращаясь к пустой комнате. — Бояться огня, когда ты сама — пожар.

Она встала. Подошла к медному тазу для умывания. В кувшине ещё оставалась вода.

Изольда протянула руку над поверхностью. Она закрыла глаза, как учил её Рейнард на ужине — не пытаясь заставить магию прийти, а просто позволяя ей быть.

Она представила свои каналы. В видении интерфейса они были чёрными, сухими руслами мёртвых рек.

«Эфир — это не река, — подумала она. — Эфир — это кровь мира. А я — не сосуд. Я — сердце».

Она не молилась. Она отдала приказ.

[Попытка активации. Резонанс: 0.1... 0.3...

1.5...]

Вода в тазу не вспыхнула. Она начала медленно, неестественно вращаться против часовой стрелки. На поверхности образовалась крошечная воронка.

Изольда нахмурилась. Это было неправильно. Магия должна течь наружу, а не закручиваться внутрь. Она попыталась направить энергию вверх, к свече на столе.

Воронка ускорилась. Вода начала замерзать от центра к

краям, покрываясь тончайшим инеем.

[Критическая ошибка: Обратный поток. Эфир поглощает тепло из окружающей среды].

— Черт, — выдохнула Изольда, резко опуская руку.

Воронка схлопнулась. Вода с плеском вернулась в свои границы, разбрызгав ледяную крошку.

Она посмотрела на свои пальцы. Кожа была синей от холода, а ногти посинели. Она вытянула жизнь из воды, пытаясь создать огонь. Архитектор Палачей не создавал Эфир, он перекачивал его, воровал и ломал чужие структуры. Её дар был деструктивным по своей природе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.